

Сергей Рудых

Три часа пятнадцать минут

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Рудых

Три часа пятнадцать минут

<https://litres.ru/74198353>

SelfPub; 2026

Аннотация

Родниград — серый, унылый город, где единственное развлечение подростков — школа и сплетни. Но когда школьница Катя Липова погибает, упав с крыши, следователь Лев Громов понимает: это не самоубийство. Странные синяки на теле, остановившиеся ровно в 3:15 часы и загадочное видео — лишь начало цепочки ритуальных убийств. Кто-то методично приносит в жертву подростков, превращая их смерть в мистический обряд. За этим стоят «Кровавая тройка» — трое в масках Момо, — и их цель не просто убивать. Они пытаются открыть дверь в новый мир, где время течёт иначе, а мёртвые могут вернуться. В погоне за правдой Громов сталкивается с тенями прошлого, предательством коллег и правдой, которая способна разрушить реальность. Смогут ли он остановить ритуал, когда следующей жертвой может стать его собственная дочь? Мистический триллер о том, как далеко можно зайти, пытаясь исправить ошибки прошлого ценою настоящего.

Содержание

Оглавление	4
Глава 1. Серый снег Родниграда	5
Глава 2. Три пятнадцать	10
Глава 3. Сова	16
Глава 4. Тишина	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Рудых

Три часа пятнадцать минут

Оглавление

Глава 1. Серый снег Родниграда

Глава 2. Три пятнадцать

Глава 3. Сова

Глава 4. Тишина

Глава 5. Колокол

Глава 6. Трещина

Глава 7. Выбор

Глава 8. «3:15 — не время»

Глава 9. Кровавая двойка

Глава 10. А что потом?

Глава 1. Серый снег Родниграда

Родниград поздней зимой оказался не тем городом, который рисовала туристическая брошюра. В ней писали о чистом воздухе, сосновых лесах в округе и звании самого «зелёного» города области. На деле это означало лишь то, что здесь было тоскливо, а единственным развлечением для подростков служили школа да разговоры о том, кто в кого влюбился.

Меня зовут Иван, и эта история — не обо мне. Я просто человек, который оказался рядом.

В то утро Коля опоздал на пятнадцать минут. Я ждал его у школьных ворот, переминаясь с ноги на ногу в луже растаявшего снега.

— Проспал, — выдохнул он, подбегая. Рюкзак болтался на одном ремне, волосы торчали в разные стороны. — Мать вчера устроила допрос до двух часов.

Я хмыкнул. Коля врал легко и красиво — дар, которому я откровенно завидовал.

— Опять про Катю? — спросил я.

Он не ответил. Только улыбнулся уголком губ и показал на браслет на запястье — сплетённый из чёрного и розового бисера, явно сделанный вручную. Катя дарила. Катя вообще была щедрая на такие вещи.

Катя Липова училась классом младше. Я знал её ровно настолько, чтобы отличить в толпе: тёмные волосы, аккуратный бант, тихая и какая-то слишком правильная. Учителя её любили за старание, сверстники — за то, что никогда не лезла в конфликты. В общем, серая мышь, если бы не одно «но».

Коля рассказывал их историю как анекдот.

— Она на велик под колёса бросилась! — хохотал он в столовой. — Нет, ты представь: я просто закрыл глаза на секунду, открываю — а она лежит!

Катя в тот день сидела за соседним столом и краснела так сильно, что даже уши становились пунцовыми.

— Ты сам меня сбил! — пискнула она, но без обиды.

Их отношения развивались стремительно. Через неделю после аварии на велосипедах — встреча. Через месяц — браслеты. Через два — Коля уже начал поглядывать на девочонку из параллели.

Я заметил это раньше, чем он сам.

Утром к нашей компании присоединились Даня и Арсений. Даня травил пошлые анекдоты из паблика «Подслушано», Арсений смеялся громче всех, даже если не понимал шутки. Хорошие ребята. Пустые, но хорошие.

— О, Катя! — крикнул Коля, заметив фигурку у крыльца.

Она стояла, кутаясь в длинный шарф, и смотрела в телефон. Обычно Катя появлялась в школе за пятнадцать минут до первого звонка — у неё кружок фортепиано по утрам. Но

в тот день она пришла раньше.

Или не уходила вовсе.

Я не придавал этому значения тогда. Зря.

— Прospала, — ответила Катя на вопрос о раннем появлении. Голос был ровный, но что-то в нём сквозило — как трещина на льду, которая вот-вот разойдётся.

Коля подошёл, обнял её за плечи. Она не отстранилась, но и не ответила.

— Проводить после уроков? — спросил он.

— Нет. У меня бабушка. И кружок.

— Ты в прошлый раз тоже так говорила.

— Потому что это правда.

Она улыбнулась, но взгляд остался пустым. Я подумал, что мне показалось. Ведь Катя всегда была такой — тихой, немного рассеянной, правильной. Но какой рассеянной? Ту, которая забывает, зачем пришла в магазин? Или ту, которая думает о чём-то настолько страшном, что мелкие дела вылетают из головы?

Мы разошлись по классам.

Школьный день тянулся как резина. Русский, математика, биология, перемена, снова уроки. На физике я ловил взгляд Коли — он писал сообщения кому-то под партой, улыбался в экран. Не Кате. Катя не отвечала.

После шестого урока я пошёл в туалет. Возвращаясь, свернул не в тот коридор и наткнулся на Катю. Она стояла у

окна на лестничной клетке третьего этажа и смотрела вниз.

— Ты чего? — спросил я.

Катя вздрогнула и обернулась. Глаза красные, но слёз нет.

— Иван... — Она помолчала. — Ты хороший друг Коли?

— Наверное.

— Скажи ему... — Она замолчала, закусила губу, потом тряхнула головой. — Ничего. Просто скажи, что я на кружке.

Она ушла быстрыми шагами, оставив меня с привкусом тревоги на языке.

Я не сказал Коле. Я вообще не придавал этому значения. Потому что в пятницу вечером я сидел дома, смотрел дурацкий сериал и готовился к контрольной по алгебре, а Катя поднималась на крышу своего дома.

Чёрный браслет из бисера она держала в кулаке.

Видео длилось восемь секунд. Потом — удар в спину. Потом — падение.

Следователь потом скажет: спина убитой была чистой. Если человек прыгает сам — он летит лицом вниз или головой. Но Катя упала на спину.

Её толкнули.

— Коля, я тебя люблю, — сказала она в последнем кадре. А потом вскрикнула, и запись оборвалась.

Я узнал обо всём утром в субботу. Мне позвонил Арсений и сказал: «Вань, там новости по городу показывают. Катя...

Катя умерла».

Я набрал номер Коли. Он не ответил.

Я бросил телефон на кровать и долго смотрел в потолок. За окном всё ещё падал серый, липкий снег — тот самый, которым гордились туристические проспекты.

Родниград готовился к весне. А Катя — нет.

Глава 2. Три пятнадцать

— Она встречалась с Рудниковым Николаем. Расстались накануне.

Следователь Громов произнёс это без эмоций, просто констатируя факт. Он стоял в трёх метрах от тела, за синей лентой оцепления, и смотрел на асфальт. На асфальте, если не присматриваться, не было ничего — серая, мокрая поверхность с разводами соли.

Если присмотреться — там был силуэт.

— Мать говорит, девочка была «в порядке», — продолжил Громов, зачитывая заметки в блокноте. — Училась нормально, друзей хватало, конфликтов не было. Обычный ребёнок.

— Обычные дети не прыгают с двенадцатого этажа в двенадцать часов ночи после короткого видео, где признаются в любви бывшему парню, — возразила Евгения Следова. — И не оставляют на руках синяки от пальцев взрослого человека.

Громов поднял бровь.

— Ты уже успела провести осмотр?

— Я успела заметить очевидное. Ты бы тоже заметил, если бы не делал вид, что это самоубийство.

Они не любили друг друга в хорошем смысле. Евгения —

пять лет в убойном отделе, сто двадцать раскрытых дел, привычка называть вещи своими именами. Лев — три года в СК, худой, светловолосый, с лицом университетского преподавателя, который в свободное время ходит в тир и стреляет лучше любого оперативника.

Вместе они работали редко. Вместе они не проигрывали.

— Камеры? — спросил Громов.

— Одна на дом. Запись обрывается в 23:47 — технический сбой.

— Удобно.

— Очень.

С крыши спустился эксперт в синем бахиле. Он держал в руке маленький зиплок с чем-то тёмным и блестящим.

— Следы волочения, — сказал эксперт. — На перилах — ткань, синее волокно, похоже на перчатки или рукав куртки. Она не сама подошла к краю. Её подтащили.

Громов взял пакет, посмотрел на свет. Волокно было плотным, с металлическим отливом — не из дешёвой одежды.

— Вызовите мать, — сказал он. — И парня. Этого... Рудникова. У меня к нему вопросы.

Коля пришёл в отделение через два часа. С ним была мать — плотная женщина в дорогой куртке, с лицом, привыкшим к тому, что её слушаются.

— Вы не имеете права его допрашивать без адвоката, — заявила она с порога.

— Мы проводим беседу, — мягко ответил Громов. — Никакого протокола. Просто разговор.

— Николай, ты можешь молчать, — отрезала мать. — И вообще, почему вы не ищете настоящего преступника, а цепляетесь к мальчику? Эта девчонка была нестабильна. Я сразу сказала Коле, что от неё одни проблемы.

— Вы были знакомы с погибшей?

— Нет. И не хотела.

Громов взглянул на Колю. Парень сидел, уставившись в стол, и молчал. Его лицо было бледным, но не от шока — от сдерживаемого напряжения. Он не плакал, не дрожал. Он сжимал пальцы в кулаки и смотрел в одну точку.

— Николай, — Громов сел напротив. — Когда вы расстались с Катей?

— Во вторник, — ответил Коля, не поднимая глаз.

— По чьей инициативе?

— Моей.

— Почему?

— Не сошлись характерами. Мы же подростки, бывает.

— Она говорила что-нибудь о смерти? О том, что не хочет жить?

Коля поднял голову. В его взгляде мелькнуло что-то — страх или злость.

— Нет.

— Она звонила вам в ночь гибели?

— Мы вообще перестали общаться после расставания.

Врал он красиво — это я уже говорил. Но сейчас я смотрел на него со стороны, через монитор в соседней комнате, куда меня посадила Евгения.

— Иван, — она положила руку мне на плечо. — Ты сказал, что он в тот вечер переписывался с кем-то. С Аленой?

— Да, — кивнул я. — С Аленой. Подругой Кати.

— И в ночь смерти он тоже был онлайн?

Я вспомнил скриншоты, которые Коля показывал в школе. Он часто хвастался переписками, потому что ему нравилось, что две девочки пишут ему одновременно.

— Да, — сказал я. — Он был онлайн до часу ночи.

Евгения и Громов переглянулись.

— Спасибо, Иван, — сказала она. — Иди домой. И... не рассказывай пока ничего Коле.

Тело второй девочки нашли в воскресенье утром.

Она лежала у подножия шестого этажа в старом городе. Руки аккуратно сложены на груди, кроссовки сняты и стоят рядом — чистые, как будто их только что достали из коробки. Часы на запястье остановились ровно в 3:15.

— Такие же синяки, — сказал Громов, присев на корточки. — Втащили силой.

Телефон погибшей нашли в кармане куртки. Последнее

сообщение было отправлено в 3:14 неизвестному номеру. Текст: «Они сказали, что я очищусь. Мне страшно. Мама, прости».

В папке «Избранное» оказалась видеозапись. Катя на крыше своего дома, с браслетом в руке, восемь секунд, обрыв.

— Одного не понимаю, — сказала Евгения, когда они вернулись в машину. — Если это убийца, зачем ему эти видео? Почему он не стирает их?

— Потому что это не следствие, — ответил Громов. — Это ритуал.

— Что?

— Ты сама сказала — восемь секунд. Три пятнадцать утра. Синяки на руках. Снятые кроссовки. Это не убийства, Женя. Это жертвоприношения.

Он завёл двигатель.

— И сегодня, в 3:15, — добавил он, — где-то в этом городе будет третье.

В 2:58 ночи, пока следователи ехали по пустынной набережной, мне пришло сообщение от Коли.

Я не спал. Я вообще перестал спать после того, как увидел фотографию Кати на асфальте.

Коля: Ты знаешь, что такое «Кровавая тройка»?

Я не ответил. Я смотрел на экран, чувствуя, как по спине ползёт холодный мураш.

Коля: Она просила меня не рассказывать. Но теперь... мне кажется, они убьют нас всех.

«Они». Не «он».

Я набрал номер Евгении.

Глава 3. Сова

В 3:15 я услышал взрыв.

Не сирену, не хлопок — именно взрыв, от которого дрожит земля и небо становится белым на секунду. Я выбежал на балкон и увидел в небе фиолетовую вспышку — где-то за рекой, в районе старых складов.

Телефон завибрировал. Сообщение от неизвестного номера, без текста — только символ. Сова.

И ссылка на трансляцию.

Я открыл её дрожащими пальцами. Прямой эфир с камеры, закреплённой высоко над городом — на колокольне заброшенной церкви, которую в школе называли «Ведьминой». В кадре был алтарь. На алтаре — девочка. Её лицо закрывала маска Момо, та самая, из мемов 2018 года: широкие глаза, неестественная улыбка, чёрные волосы по плечи.

Она не шевелилась. Вокруг алтаря горели свечи, образуя круг, а на стенах танцевали тени.

— Иван, не смотри, — сказала мама, заходя в комнату. — Выключи это сейчас же.

Но я не мог. Потому что девочка в маске повернула голову — прямо в камеру — и прошептала:

— Первая пала. Вторая пала. Третья падёт сегодня. А вы, Громов и Следова, смотрите и запоминайте. Это не город.

Это жертвенник.

Громов и Евгения ворвались в церковь через пятнадцать минут.

Алтарь был пуст. Свечи погасли, маска валялась на полу — дешёвый пластик, купленный в интернет-магазине. Но сцена была не бутафорской. На стене — те же символы, что и в подъезде Кати и во дворе второй жертвы: переплетённые круги, стилизованная сова, цифры 3:15.

— Она знала наши имена, — сказала Евгения.

— Она знала наши адреса, график работы, номера машин и то, что мы завтракаем в «Москвиче» по вторникам, — поправил Громов. — Это не просто убийца. Это кто-то из системы. Или тот, кто имеет доступ к базе.

Он поднял маску и перевернул её. На внутренней стороне, чёрным маркером, было написано: «Архив №13».

— Что это значит? — спросила Евгения.

Громов побледнел. Он посмотрел на неё взглядом, которого она раньше не видела — в нём смешались ужас и какая-то древняя, давно похороненная вина.

— Это значит, — сказал он, — что я знаю, кто следующий.

Макс, эксперт, прибыл в морг через час. Он нёс под мышкой старый ноутбук, в зубах — бутерброд, и выглядел так,

будто не спал трое суток.

— Фантастика, — сказал он, наклоняясь над второй жертвой. — Просто фантастика.

— Что именно? — спросил Громов.

— Часы. Они не сломались от удара. Их остановили. Изнутри. Механизм заблокирован микроскопической металлической стружкой — такой, какая остаётся, если долго тереть шестерёнки магнитом. Кто-то готовил это заранее. За сутки, а может, и за неделю до смерти.

— То есть время убийства было запланировано?

— Больше, чем запланировано. Оно было частью ритуала. 3:15. Три секунды. Пятнадцать минут. — Макс достал из кармана распечатку. — Я прогнал данные по первой жертве. У Кати на телефоне было приложение-шагомер. В 3:15 ночи она сделала последний шаг. Не прыжок. Шаг. Как будто кто-то подвёл её к краю и сказал: «Иди».

— Значит, третья, — Евгения обернулась к Громову, — умрёт завтра в 3:15.

— Если мы её не найдём раньше.

Громов достал телефон и набрал номер. Я видел это по скриншоту, который мне позже скинула Евгения (она доверяла мне, потому что я был единственным, кто не врал).

Громов: Анна, архив №13, срочно.

Анна (напарница, голос): Лев, его закрыли десять лет назад. Там твоё дело. Елены.

Громов: Знаю. Поэтому и звоню. Открой его до завтраш-

него утра. Иначе третья жертва — это я.

Он ошибся только в одном.

Третьей жертвой стала не девочка. И не он.

В 3:15 следующего дня в реанимацию поступил Максим Тайгин — с отравлением неизвестным нейротоксином, с ожогами ладоней второй степени и с диктофоном в кармане, на котором было записано одно слово.

«Предательство».

А потом его палата опустела. А потом в окне кабинета Громова появилась маска Момо.

А потом — тишина.

Глава 4. Тишина

Макс очнулся в реанимации через двое суток.

Он не помнил, как его нашли. Не помнил, зачем пошёл в архив №13. Помнил только свет — фиолетовый, жгучий, проникающий сквозь закрытые веки, — и голос Жени, зовущий его по имени.

— Ты говорил про колокол, — прошептал Макс, когда Громов наклонился над койкой.

— Что?

— В архиве. Там было дело Елены. Она нашла колокол. Не тот, что в церкви. Другой. — Макс закашлялся, на губах выступила кровь. — Они ищут её дочь. Третья жертва... это не я. Это...

Глаза закатились, монитор запищал чаще.

— Врача! — крикнул Громов.

Медсестра вкатила каталку, оттеснила его к двери. Он стоял в коридоре, сжимая кулаки, и смотрел на часы. 14:50. До «времени Совы» оставалось двадцать пять минут.

— Лев, — Анна взяла его за локоть. — Восьмая школа. Учительница. Она знала про Алену.

Они выехали через три минуты, игнорируя красный свет и знаки «кирпич».

Лидия Михайловна вела русский язык в шестом «А». Когда Громов вошёл в класс, она писала на доске схему причастного оборота, а ученики старательно выводили в тетрадях примеры.

— Лидия Михайловна, — сказал Громов с порога, не представляясь. — Алёна Липовская. Где она?

Учительница замерла. Мелок дрогнул в её пальцах, оставив белую жирную черту поперёк слова «причастие».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.